

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Неизданный стихотворенія.

Въ 1882 г. удалось мнѣ разсмотреть альбомы покойной г-жи Гюель, рожденной Верещагиной, описанной въ запискахъ г-жи Хвостовой подъ именемъ «Сапи Верещагиной». Альбомы эти хранять рисунки и стихотворенія поэта въ періодѣ времени отъ 1830 до 1832 года. Частью это отлично выполненные головки, то акварелью, то тушью, частью перомъ или карандашомъ. Это портреты, эскизы, каррикатуры. Стихотворенія болѣею частью тѣ же, которыя г-жа Хвостова приводить, какъ бы писанными для нея. Должно быть Лермонтовъ вписывалъ ихъ многимъ барышнямъ въ альбомы, до коихъ тогда всѣ онѣ были охотницы. Между прочимъ въ одномъ изъ альбомовъ нашелся переписанный пачисто варіантъ стихотворенія «Отворите мнѣ темницу», извѣстнаго уже въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Приводимый здѣсь варіантъ очень любопытенъ по первой строфѣ своей. Стихотвореніе «Гость»—должно быть весьма раннѣе—хранить очевидно вліяніе нѣмецкаго поэта Бургера и навѣяно балладою его «Леонора», переведеною Щуковскимъ въ первый разъ подъ именемъ «Людмилы».

Что Лермонтовъ находился подъ вліяніемъ нѣмецкихъ поэтовъ я доказывалъ въ III главѣ біографіи поэта (*«Русск. Мысль»* декабрь 1881 г.), гдѣ приводится даже стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ, очевидно принадлежащее ему. Любопытно, что стихотвореніе «Гость» Лермонтовъ называетъ «Былью». Есть памеки на то, что въ воинственномъ азартѣ молодой поэтъ рвался поступить въ полкъ, чтобы принять участіе въ открывшейся въ 1831 году «польской кампаниі». Къ этому побуждала его несчастная страсть.—Вообще было въ модѣ проситься въ действующую армию или на Кавказъ, увеличивая въ обществѣ романіческій интересъ рассказами о несчастной любви, побуждающей

юнаго воина искать смерти. Въ описаніи жизни молодого Печорина въ «Княжнѣ Лиговской» (недавно найденномъ романѣ Лермонтова и напеч. въ янв. кн. «Русск. Вѣсти.») разсказывается, что Жоржъ (Печоринъ) «почти на колѣняхъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ Н.... гусарскій полкъ». Какъ, отправляясь въ походъ, онъ прощается съ любимой дѣвушкою и она даетъ ему клятву, что никогда не будетъ принадлежать другому (стр. 152). Вѣрочка не выполняетъ обѣщанія и выходитъ черезъ полтора года за Лиговскаго. Всѣ лица романа взяты изъ жизни—весь онъ автобіографического значенія. Вѣра—это дѣйствительная глубокая страсть поэта и онъ никогда не могъ забыть, что она вышла не за него. Ей, между многими другими произведеніями, посвящена и «Любовь мертвѣца», «Пускай холодною землею засыпай я...». «Гость» является такимъ образомъ какъ бы первымъ наброскомъ знаменитаго стихотворенія. Къ той же личности написано и французское стихотвореніе, тоже впервые нынѣ печатающееся.

Пав. Висковатый.

I.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіяніе дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.

Дайте мнѣ членокъ досчатый
Съ полусгнившимъ скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой;
Я пущуся въ сине море
Въ даль отъ сонныхъ береговъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И натѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ злобной прихотью валовъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ его тѣни широкой
Былъ жемчужной водопадъ;
Передъ звучными струями
Я лѣниво растянусь
И надъ прежними мечтами
Засыпая посыюсь.

II.

ГОСТЬ. (Быль).

(Посвящается ....).

Кларису юноша любилъ,
Давно тому назадъ;
Онъ сердце дѣвы получилъ...
А сердце—лучшій кладъ.
Ужъ громкій колоколъ гудѣтъ
И въ церквѣ попъ съ вѣнцами ждетъ.

И вдругъ раздался крикъ гойны,
Подняты знамена:
Спѣшать отечества сыны—
И ноги въ стремена!
Идетъ Калмаръ, томимъ тоской,
Проститься съ дѣвой молодой.

„Клянись, что вѣчно“, молвилъ онъ,
„Миѣ не измѣнишь ты!—
„Пускай холодной смерти сонъ,
„О дѣва красоты,
..Насъ осѣняетъ подъ землѣй.
..Коль не вѣнцы любви святой!“

Клариса клятву говорить,
Дрожитъ слеза въ очахъ,
Разлуки поцѣлуй горитъ
На розовыхъ устахъ!
„Вотъ поцѣлуй послѣдній мой—
„Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой!

— И такъ прости! жалѣй меня!
Печаленъ мой удѣль! —
Калмаръ садится на коня,
И вихремъ полетѣлъ...
Дни мчатся.... сиѣгъ въ поляхъ лежитъ...
Все дѣва плачетъ да груститъ.

Вотъ и весна явилась вновь,
И въ солнцѣ прежній жаръ.
Проходитъ женская любовь.
Забыть, забыть Калмаръ!
И долженъ получить другой
Ее красу съ ее рукой.—

Съ невѣстой подъ руку женихъ,
Шируетъ за столомъ.
Гостей обходитъ и родныхъ

Стаканъ шипя виномъ.
Пиръ брачный весело шумитъ
Лишь молча гость одинъ сидитъ.

На немъ шеломъ избитъ въ боюхъ,
Подъ хладной сталью ликъ,
И плащъ изорванъ на плечахъ,
И ржавый мечъ великъ.
Сидитъ онъ прямъ и недвижимъ
И рѣчь начать боятся съ нимъ...

„Что гость любезной нашъ не пьетъ—
—Клариса вдругъ къ нему—
„И что онъ чити не перервѣтъ
..Молчанью своему.
„Кто онъ? откуда въ нашу дверь?
..Могу ли я узнать теперь?“

Не стои, не вздохъ онъ испуститъ—
Какой то страшный звукъ,
Невольнымъ страхомъ поразилъ
Онъ слухъ невѣсты вдругъ.
Всѣ гости ахъ!—открылъ пришелецъ
Лице свое:—то былъ мертвецъ.

Трепещутъ всѣ, спасенія нѣть,
Женихъ забылъ свой мечъ.
„Ты помнишь ли, скажи скелетъ,
„Свою прощающую рѣчу:
„Калмаръ забыть не будетъ мнай;
„Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой!“

„Калмаръ твой палъ на битвѣ—тамъ
..Въ отчаянной борьбѣ.
„Вѣнецъ дѣвица въ гробѣ намъ:
„Я вѣренъ былъ тебѣ!...
Онъ обхватилъ ее рукой
И оба скрылись подъ землей.

Въ томъ домѣ каждый круглый гоіъ
Двѣ тѣни, говорить,
(Когда межъ звѣздъ луна бредетъ
И всѣ живые спятъ)
Являются, какъ легкій дымъ,
Бродя по комнатамъ пустымъ!...

М. Лерма.

III.

Non, si j'en crois mon espérance,
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Frès de vous par le souvenir.—
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,—
Rappelez moi je reviendrai.

M. Lerm a.

«Школьная Заря»

1834 г.

Это рукописный журналъ издававшійся воспитанниками школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ бытность Лермонтова въ школѣ и при его участіи. Подлинная тетрадь журнала сохранилась у бывшаго В. С. Вяземскаго (одинъ изъ однокашниковъ поэта по школѣ) вмѣстѣ съ карикатурами, мастерски исполненными первомъ Лермонтова. Благодаря посредству В. Н. Поливанова, мы имѣли случай познакомиться съ этимъ журналомъ въ 1879 г. Въ „Школьной Зарѣ“ Лермонтову принадлежать:—извѣстная шутка стихотвореніе „Уланъша“: подписанное псевдонимомъ „Гр. Диарбекиръ“; „Пограничныя извѣстія“: перепонія (въ прозѣ) подписано „Степановъ“, это шутка, въ героѣ которой выведенъ Лермонтовымъ его товарищъ кн. Шаховской; затѣмъ: „Ода....

О ты, в..... храмъ, невѣдомой богини!
Къ тебѣ мой гласъ... къ тебѣ взываю изъ пустыни,
Гдѣ шумная толпа тѣснится столькою дней
И гдѣ такъ мало я нашелъ еще людей!
Прими мой еніямъ летучій и свободный,
Несрѣдний, слабой цвѣтѣ поэзіи народной!
Ты покровитель нашъ, въ святыхъ стѣнахъ твоихъ,
Я не боюсь враговъ завистливыхъ и злыхъ,
Подъ сѣнью твоей не причинять мнѣ страха
Ни взоръ Михайлова, ни голосъ Шлиренбаха.

Едва отъ трапезы возстануть юнкера,
Хватаютъ чубуки—бѣгутъ, кричатъ: пора!
Народъ заботливо толится за дверями.....
Вотъ искры отъ кремня посыпались звѣздами,
Изъ рукава чубукъ ужъ выползъ какъ змѣя
Гостепримная отдушина твоя....
Открылась бережно ... огонь табакъ объемлетъ,
Пріемная труба завѣтный дымъ пріемлетъ!

Когда жъ Ласковского приходитъ грозный классъ
Отъ поисковъ его ты вновь скрываешь насть,
Извлекается въ тебѣ отважно безъ покрова! и проч. и проч.

Далъ „посланіе къ Тиценгаузену“ (въ стихахъ), и наконецъ „Гошниталь въ Петергофѣ—рассказъ“ (въ стихахъ), героями какового разсказа, между прочими и кн. А. И. Барятинскій (впослѣдствіи фельдмаршалъ), и Н. И. Поливановъ—тотъ и другой товарищи по Школѣ Лермонтова. Этотъ послѣдній разсказъ состоитъ изъ 162 стиховъ и подписанъ „Гр. Діарбекиръ“.

Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этого разсказа:

Друзья! вы помните конечно
Нашъ Петергофскій Гошниталь,
И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.
Тамъ антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слѣпая
Жила съ усатымъ ямщикомъ....
Но дѣло вовсе не о тѣмъ!
Ея служанка молодая
Не скромной бойкостью словъ
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ
Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ,
Бурныхъ, неумолимыхъ юнкеровъ.
И то сказать; на эти очи,
На эту ножку, станъ и грудь
Однажды стояло взглянуть
Чтобъ въ продолженіи цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазъ

и т. д. слѣдуетъ живой, бойко рифмованный разсказъ, въ которомъ герой появляется въ темнотѣ, по ошибкѣ, обнимаетъ вместо красавицы слѣпую дряхлую старуху, та крѣпчить,—вѣгаетъ служитель, со свѣчей и озаряетъ картину; стражъ бросается на князя, поражаетъ его, но па помочь явится „лихой уланъ“—Н. Поливановъ, онъ же и пѣнитель дѣвы-красавицы, стражъ пораженъ и кн. Барятинскій вырученъ изъ бѣды. Шампанское на утро съ друзьями заливаетъ непріятное для него воспоминаніе о прошедшей ночи.

Стихи зачастую довольно звучные, по содержанію—по своей скабрезности—едва ли ни превосходитъ произведенія пресловутаго Баркова. При видѣ этого рукописнаго журнала дивишься той мощи гения Лермонтова, который могъ развернуться въ немъ даже еще въ этомъ именно учебномъ заведеніи, среди обстановки крайне неблагопріятной, такую представляла среда и жизнь въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ!

Н. Н.